

ДАМИР РУЗЫБАЕВ

УДК 73(084)
ББК 85.13я6
Р83

Издание подготовлено Фондом поддержки и развития научных и культурных программ имени Ш. Марджани

Дамир Рузыбаев: альбом / Фонд Марджани. – М., 2020. – 176 с.: ил.

Авторы текстов

Н. Апчинская
М. Бабаназарова
Н. Бабурина
К. Бакши
А. Волков
В. Волков
Д. Рузыбаев
Н. Соколова
А. Устименко

Составитель

М. Филатова

Редактор

Е. Борисова

Корректор

Н. Грибенюк

Дизайн и верстка

Д. Залялетдинов

Подготовка к печати

Л. Залялетдинова

Фотографы

О. Боц
Е. Желтов
О. Сухарева
Н. Утарбеков

Благодарим А.А. Волкова и Л.Х.-М. Кодзаеву за помощь в подготовке альбома и предоставленные сведения; Наби Утарбекова за бескорыстную помощь в фотографировании работ Д. Рузыбаева в Ташкенте; Государственную Третьяковскую галерею, Государственный музей Востока, Государственный музей искусств Узбекистана – за использованные фотоматериалы.

ISBN 978-5-6040378-3-6

На обложке: Хумо. 2015. Мрамор. 80×54×54
Фонд Марджани. Москва

© Фонд Марджани, Москва, 2020

© Государственный музей Востока, Москва, 2020

© Государственная Третьяковская галерея, Москва, 2020

© Государственный музей искусств Узбекистана, Ташкент, 2020

© Государственный музей искусств Республики Каракалпакстан имени И.В. Савицкого, Нукус, 2020

© Дамир Рузыбаев, 2020

© Авторы текстов, 2020

© Д.Н. Залялетдинов, дизайн, 2020

Содержание

- Дамир Рузыбаев*
7 О себе
- Наталья Соколова*
37 Подвижничество Дамира Рузыбаева
- Дамир Рузыбаев*
38 Друзья-товарищи, с которыми я пересекался
- Наталья Апчинская*
51 Скульптор Дамир Рузыбаев. Краткий очерк творчества
- Надежда Бабурина*
71 Дамир Рузыбаев. Наброски к портрету
- Алексей Устименко*
83 Улетевшие души переселяются в глину, бронзу и камень
- Валерий Волков*
90 Цвета земли
- Мариника Бабаназарова*
94 Дамир Рузыбаев
- Александр Волков*
96 Посвящение другу
- Ким Бакиш*
102 Дамир Рузыбаев: стиль и образ жизни
- Дамир Рузыбаев*
105 Мелос Навои
- Дамир Рузыбаев*
118 Птица души
- Дамир Рузыбаев*
120 Посвящения
- Дамир Рузыбаев*
144 О цвете в скульптуре
- 168** Каталог
- 172** Биография
- 175** Основная библиография

О себе

Дамир Рузыбаев

Родился я в 1939 году в Самарканде. Мой дедушка Файзулло был муфтием Самарканда. Правда, я никогда его не видел – он умер в 1924 году, а воспитывала меня бабушка Хамрохон, естественно, в мусульманских традициях. Отец же мой, Салиджан, – наоборот, был не только партийным человеком, но и атеистом. Так что я с самого рождения оказался в противоречивой среде, что и в дальнейшем сопровождало меня всю жизнь. Деда Рузы по отцовской линии я, конечно, не помню. Как рассказывали, когда привезли меня младенцем в Маргилан и дед на радостях взял меня на руки и поднял над головой, я то ли от неожиданности, то ли от испуга пустил ему струю прямо на бороду, отчего он был прямо в восторге.

Мои самые ранние и яркие впечатления связаны именно с живописью. Дело в том, что мы жили в старом традиционном доме, где деревянные потолки имеют определенный характер: резные балки перекрыты полукруглыми рейками *васса*, и все это расписано. Потому я, уже будучи художником, видел не только в Самарканде, но и в Бухаре удивительные образцы такой росписи. И вот мне кажется, что первые впечатления, полученные мной в жизни, – это цветной потолок, который я видел, лежа на кровати, в раннем детстве. Ощущение мощной цветовой гармонии мне очень хорошо запомнилось.

Следующее, о чем я мог бы рассказать, – то, что со мной случилось в возрасте четырех лет. Тогда мои родители пошли к своим друзьям на свадьбу в квартал бухарских евреев *джугутон*. Хотя уже темнело, я побрел по улицам в поисках родителей, спрашивая дорогу у прохожих. Как позже мне рассказывала мама, когда открылась дверь, они вдруг увидели своего сына в грязной майке, сопливого, но все-таки добившегося своего – нашедшего родителей. Для

Семья Рузыбаевых:
отец Салиджан, мама Супхия
Файзуллаевна, их дети –
Эмиль, Лутфия, Дамир

меня же в тот момент ничего не существовало, кроме певца, который пел *катта ашула* – это пение с тарелкой без музыкального сопровождения. Фигура сидящего на корточках певца, с тарелкой в руках, с открытым ртом и полузакрытыми глазами, хорошо мне запомнилась. Пение было настолько выразительно и красиво по звучанию, что я вспоминаю это до сих пор и постоянно возвращаюсь к тому образу. Для меня это как бы ключ к музыкальным темам.

Ну а более поздние воспоминания связаны опять же с Самаркандом. Улица, где мы жили, находилась недалеко от Регистана. Поэтому мое детство, можно сказать, проходило на его крышах (тогда можно было залезать не только на крыши, но и на минареты). Крыши же наших домов были плоскими, соединенными в нечто целое, по ним можно было бегать и пускать воздушных змеев. Это была

<
Той (праздник)
Триптих. Левая часть. 1978
Шамот, цветная глина
Государственный музей
Востока. Москва

удивительная красота, когда весной на этих крышах неожиданно расцветали маки. Иллюстрации Усто Мумина¹ к избранным произведениям Гафура Гуляма² хорошо передают эту атмосферу.

В школу, честно говоря, ходить я не любил. Мне больше нравилось проходить с друзьями дальше, мимо школы, по ташкентской улице. С тех времен я еще помню живописные караван-сарай, где постоянно сидели художники. Дальше была мечеть Биби-Ханым, а еще дальше – Афрасиаб, где мы и пропадали целыми днями, лазая по пещерам и играя в футбол, ловя рыбу в реке Сиаб, протекающей недалеко. Это было по-настоящему счастливое детство.

Я помню старую несохранившуюся фотографию. Эта фотография изображала нашу группу в яслях или в саду. Там, на снимке, у стены стояла известная скульптура «Сталин с детьми» с надписью «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». А на самой стене висело множество разных фотографий из каких-то газет. Присмотревшись, я обнаружил, что помимо той скульптуры там еще семь его изображений. Мне это показалось любопытным. Во всяком случае, Сталин нас сопровождал с самого младенческого возраста.

Недалеко от нашего дома находилась художественная мастерская. Дело в том, что в Самарканде во время войны, да и впоследствии оставались многие художники: и ленинградские, и московские творческие вузы, как и художники вообще, были эвакуированы в Самарканд и Ташкент. Я не мог не заинтересоваться этим, мне было любопытно смотреть, как люди что-то рисуют. Им я приносил и показывал свои рисунки. И меня все время поощряли, хвалили. Таким образом, я получил первый урок – понял, что детей надо поощрять и не надо их особенно «учить» – похвалы достаточно, чтобы поднять их дух и желание работать.

Ко мне все относились очень по-доброму, а потом я узнал, что это известные и замечательные художники Тимур Рашидов и Ашраф Разыков. Тимур Рашидов, кстати, впоследствии дал мне рекомендацию для поступления в художественное училище, поскольку он был руководителем Самаркандского отделения Союза художников.

Не забуду случай, когда я, наконец, накопил какие-то деньги (родители давали по мелочи) и купил масляные краски. Естественно, мне хотелось поделиться этой радостью с руководителем кружка, в который я ходил. Самарканд разделялся на Старый и Новый город, а между ними, как бы на границе, – бывшая крепость, холм, который надо было преодолеть. И так совпало, что в этот день хоронили Сталина. Я шел из Старого в Новый город, и когда оказался на холме в крепости, заметил, что улицы пустынные, как в фильме Бергмана «Земляничная поляна». Повсюду были столбы с рупорами, из которых звучала траурная музыка. Вся страна хоронила Сталина. Траурная музыка не может не производить впечатления, но в душе у меня все-таки колотилась огромная радость, потому что осуществлялась моя мечта. Однако, когда я пришел во Дворец пионеров и зашел в комнату нашего кружка, то увидел за столом рыдающую Антонину Васильевну. Она подняла на меня мокрые глаза, увидела, что у меня в руках пакет с красками, и произнесла фразу, которую я запомнил: «Почему ты пришел в такой день, как ты мог?!» Никого в кружке не было, и только я появился со своими красками. Так что вот, какие-то странные ощущения. Внутри и снаружи они никак не соединились. Так и остались в моей душе, моей памяти.

Не помню, какой это был год – 1952-й или 1953-й. Появился в этих мастерских новый человек, необычный, не похожий на всех остальных. Он отличался своей внешностью –

1 / Усто Мумин (наст. имя Александр Васильевич Николаев, 1897–1957) – русский советский художник, с 1925 года жил в Узбекистане. Один из ярких представителей так называемого туркестанского авангарда.
2 / Гафур Гулям (наст. имя Гафур Гулямов, 1903–1966) – народный поэт Узбекской ССР, один из основоположников нового узбекского стихосложения.

это был грек, которого звали Феодоридис³, – греческий партизан. Он был одним из многих греков, которые переехали в Узбекистан. Феодоридис оказался скульптором, он был молод, хорош собой и не мог не привлекать внимания. Меня он заинтересовал тем, что занимался скульптурой, что было важно и, вероятно, как-то на меня повлияло. Я тоже стал заниматься скульптурой. Помню случай, когда я в углу своего двора что-то лепил, можно сказать, прямо из земли, из глины. Я почувствовал, что сзади стоят родители и внимательно это разглядывают. Я понял, что они одобряют мои занятия, а не считают их дуракавалянием, как обычно, поэтому, наверное, мне это и запомнилось. Случилось так, что в училище я поступил именно на отделение скульптуры. Кстати, в музее искусств Узбекистана в Ташкенте хранится портрет работы Феодоридиса, который он лепил с меня, тогда мальчика с чубчиком.

Самарканд в те годы был, естественно, совершенно другим. Например, в то время мы ходили в баню XVI века. Она находилась сразу за Регистаном, за медресе Тилля-Кари. Это было крупное (в моих тогдашних глазах) здание прекрасной архитектуры. А самое главное – внутри была, как и подобает восточной бане, масса комнат с холодной водой, горячей, теплой. Мы ходили там в набедренных повязках, мылись, там были разные процедуры и, конечно, массажи. А после бани отец вел нас по этим улицам, мимо бывшей мечети (ныне чайханы), и мы садились там завтракать, особенно зимой это было запоминающимся, после такой вот бани – завтрак в чайхане со знаменитым виноградом *хусайни*. Виноград, чай и горячие лепешки – наверное, это были самые вкусные завтраки в моей жизни.

Но история этой бани печальна. Однажды, приехав туда, я, к ужасу своему, обнаружил, что бани не существует, поскольку тогдашнее

Дамир Рузыбаев
1957

руководство, прежде всего архитектурное, решило, что к юбилею Самарканда надо очистить Регистан от всего лишнего, и этим лишним оказалась та знаменитая и, на мой взгляд, прекрасная баня.

Так что *тот* Самарканд постепенно исчезал на моих глазах. К сожалению, теперь ни караван-сарая, ни верблюдов там нет. Времена, а вместе с ними и жизнь, меняются. Наверное, это естественно. Бог знает.

Впоследствии мы с Игорем Савицким⁴ много раз говорили о Самарканде, где он тоже жил и учился в те годы. Он всегда, вспоминая его, говорил, что Самарканд был сказкой.

В 1954 году я приехал в Ташкент, как уже упоминал, с направлением Самаркандского союза художников поступать в художественное училище и успешно поступил. Так в моей жизни начался ташкентский период. Вскоре в Ташкент переехали моя мама, брат Эмиль и сестра Лютфия, а отец уехал в Маргилан. После смерти бабушки в 1954-м у мамы с папой начался разлад, и они расстались, к счастью, не навсегда.

Итак, семья наша оказалась в Ташкенте. Сначала мы жили на съемной квартире.

3 / Никос Феодоридис (1924–1992) – скульптор греческого происхождения, 40 лет проживший в политэмиграции в СССР, в годы Второй мировой войны боец Демократического фронта Греции.

4 / Игорь Витальевич Савицкий (1915–1984) – художник, реставратор, этнограф, искусствовед, создатель и первый директор всемирно знаменитого Музея искусств в Нукусе.

Кстати, в этом же доме снимал квартиру искусствовед Такташ⁵, с которым мы пересекались почти всю оставшуюся нашу жизнь и работали вместе в Институте искусствознания.

Мне повезло. Я поступил на первый курс, где рисунок преподавал Павел Петрович Мартаков⁶, который сыграл огромную роль в моей жизни. Это был необыкновенный человек, очень честный, строгий, который не допускал несерьезного отношения к искусству.

На первом курсе, но чуть позже, появился у нас новый студент – Саша Волков⁷, с которым мы сразу подружились. Почему – не знаю, как-то так получилось. К тому же еще через какое-то время мы с прежней квартиры переехали на другую, уже собственную. Она находилась по адресу: улица Советская, 18, а Саша проживал на этой же улице, но в доме под номером 10. Так что нас разделяло всего несколько небольших домов. Улица тоже была небольшая, но тенистая и живописная. А напротив нашего дворика был знаменитый кинотеатр «Тридцатка», то есть «30 лет ВЛКСМ». В общем, так началась моя жизнь в искусстве, более регулярная и более серьезная.

Да, я забыл сказать, что Саша Волков был сыном А.Н. Волкова⁸, но тогда это мне ничего не говорило. Я знал о нем мало. И вот наступил тот день, когда я в первый раз увидел самого Александра Николаевича. Место, где они жили, – это был такой типичный ташкентский двор, длинный, разветвленный, в котором слева и справа были квартиры. И первая из них, справа от ворот, была как раз квартира Волковых. К ней была пристроена терраска, на которой очень любил сидеть Александр Николаевич. И вот первая наша встреча произошла именно там. Он сидел на террасе, а я подходил вместе с Сашей к их дому и поймал на себе взгляд человека. Человек этот произвел на меня невероятное впечатление. Хотя

я еще не знал, что это за личность и какой он грандиозный художник, сам вид его, его взгляд произвели на меня огромное впечатление. Он был облачен в какое-то одеяние, я даже не помню какое, но очень напомнило одежду на поздних автопортретах Рембрандта. Да и облик чем-то напоминал его. Я почувствовал, что это значительная личность, хотя никакого представления о нем до встречи у меня не было. Только через его внешний вид. Это меня поразило, как током. И я помню его пронзительный взгляд. Ему, наверное, интересно было знать, с кем же это подружился его сын. И, по-моему, он произнес в отношении меня какую-то фразу. Я не помню точно, но вроде – «кокет». Мне было обидно. Почему это кокет, ведь я себя таким не ощущал. Чуть позже, естественно, присмотревшись к товарищу сына, он заметил: «А у него блестят глаза». Это было как признание. Ему было приятно, что у друга сына «блестят глаза». Я это запомнил. И в дальнейшем это ощущение присутствия полубога (вот так можно сказать, я очень точно передаю свои ощущения) не пропадало. Я всегда робел при встрече с ним.

С Сашей мы ходили на этюды по этим нашим живописным улицам. Александр Николаевич любил бродить по этим же улицам, и мы пересекались. Он наблюдал за нашей работой. Я в это время немел, потому что мне казалось, что работать в присутствии такого человека даже как-то не очень прилично, что ли. Потому что какие же надо делать вещи, чтобы быть достойным даже просто стоять рядом. Должен сказать, что его живопись произвела такое впечатление, что потом меня не покидали мысли: зачем я занимаюсь живописью? Ведь достичь такого невозможно! Живя рядом с таким человеком, заниматься живописью! Такие полудетские мысли не оставляли меня.

Я еще раз хочу вспомнить Мартакова. Хотя по скульптуре у нас были другие педагоги,

5 / Рафаэль (Рафаил) Хадиевич Такташ (1926–2008) – искусствовед, исследователь изобразительного искусства Узбекистана.

6 / Павел Петрович Мартаков (1912–1990) – художник, педагог, преподавал в Ташкентском художественном училище.

7 / Александр Александрович Волков (род. 1937) – скульптор, живописец. Живет и работает в Москве.

8 / Александр Николаевич Волков (1886–1957). Живописец. Учился в Петербургской Академии художеств и Киевском художественном училище. С 1916 года жил в Ташкенте, где был одним из организаторов первой художественной школы. Преподавал в Ташкентском художественном училище. Автор знаменитых картин «Гранатовая чайхана», «Надгробный плач», «Чайханы старого города».

Портрет
П.П. Мартакова
1986. Шамот
Фонд Марджани
Москва

Маргиланский дворик
1959. Бумага, акварель
Государственный музей
искусств им. И.В. Савицкого
Нукус

но они не имели на нас такого влияния, как Мартаков, потому что прежде всего он присутствовал все время, весь рабочий день. Это не значит, что он сидел около нас, он уходил, давал нам возможность свободно работать, но присутствовал целый день. И его обаяние, его талант рассказчика были необыкновенны. Он столько замечательных историй рассказывал, такие байки военных лет, и морские, и житейские, про Ташкент и так далее. И они все были поучительны. И самое интересное, что он время от времени повторял: «Художнику очень важно развить в себе силу воли. Сила воли – самое главное качество художника». Это он повторял неустанно. Тогда мы не совсем это понимали. А впоследствии я понял, насколько он был прав. Так что он учил не только держать карандаш и резинку в руках, но был таким наставником по жизни, что ли. У каждого из нас свои какие-то особенности, проблемы, и он всегда оказывался рядом. Сам он в свое время учился в училище у А.Н. Волкова, а потом – в Ленинградской Академии. И учился не у кого-нибудь, а у Бернштейна⁹, очень серьезного педагога по рисунку. Потом я ознакомился с книгой Бернштейна «Учебный рисунок». Я считаю, что это один из лучших учебников. Это блестящая книга, с таким анализом рисунков художников, каких я не встречал больше нигде. Кстати, Волков тоже в свое время учился в школе Бернштейна, так что эта линия и через Волкова,

9 / Михаил Давидович Бернштейн (1875–1960) – живописец, график и педагог, преподавал в ЛИЖСА им. И.Е. Репина (1932–1948) и в ЛВХПУ (1948–1950), а до этого – в основанной им частной художественной школе в Петербурге/Петрограде (1907–1916). Ныне эта школа известна благодаря тому, что в ней учились многие будущие художники-авангардисты: А.Н. Волков, В.М. Ермолаева, М.В. Ле-Дантю, В.Е. Татлин и др.

и через Мартакова коснулась и нас. Мартаков не окончил Академию из-за войны. Войну он прошел всю, простым солдатом. Но я никогда не видел его ни с одной медалью или орденом на груди. Хотя мы знаем и помним, как фронтовики надевали свои кители с многочисленными орденами. Мартаков этого никогда не делал. Кроме того, он был страстным охотником, очень любил природу. На своей лодке от станции Сырдарья, что недалеко от Ташкента, он каждое лето отправлялся до Аральского моря, приглашая с собой студентов и меня в том числе. Но я, к сожалению, ни разу не воспользовался такой возможностью. Тогда я и подумать не мог, что Аральского моря скоро не будет.

Мартаков не любил поправлять рисунки студентов, никогда этого не делал. В лучшем случае он в пустующем уголке листа делал небольшой набросок, схему и излагал принципы построения. В связи с этим он рассказывал замечательную историю, свидетелем которой как будто был: «Значит, идут занятия на живописном курсе. И заходит преподаватель-доцент, который подходит к одному из студентов, смотрит на его картину и говорит: “Разве так надо писать? Дай-ка мне кисти”. И начинает поправлять его натюрморт. После завершения этого... мастер-класса, как теперь говорят, он удалился, а студент переживал долго. В это время заходит профессор, который тоже подошел почему-то к этому натюрморту, посмотрел и также стал поправлять: “Дай-ка, – говорит, – кисть сюда”. Переделал весь натюрморт по-своему и удалился. Студент в еще большем недоумении сидел, пока не пришел в класс сам Иогансон, признанный классик соцреализма. И тоже почему-то подошел к этому натюрморту, тоже взял кисть в руки и стал переписывать этот натюрморт. В конечном счете, когда завершил, сказал: “Вот так вот надо писать! Понял?” И удалился».

Мое знакомство с Сашей и его родными пришлось на тяжелое для этой семьи время. Здесь не могу не упомянуть о Елене Семеновне, матери Саши, хрупкой женщине, мужественно переносившей все невзгоды. Фактически она тащила на себе весь груз забот о семье. Это была удивительная женщина, я не встречал в своей жизни более светлой личности.

Нашей семье тогда тоже было нелегко, моя мама работала одна, и, вероятно, это и то, что Сашу Елена Семеновна искала у нас, а меня моя мама искала у Волковых, сблизило в какой-то степени наших матерей. У них была еще одна общая особенность. В это непростое время они обе могли приготовить еду, причем вкусную, из того немногого, что находилось в доме.

В те годы мало кто посещал дом Волковых. Это позже люди стали проявлять интерес к искусству Александра Николаевича, но тогда его это невнимание, казалось, не волновало. Ему достаточно было видеть людей издалека, а общался он главным образом с деревьями. Тем более странно было мне узнать, что не все относятся к его творчеству положительно, многие даже враждебно. Такова была сила официальной пропаганды: он был объявлен формалистом, то есть по тому времени как бы проклятым. Я помню, как некоторые избегали встреч с ним на улице.

Выставка Волкова в 1956 году в Ташкенте была бомбой. Зрители разделились на почитателей и противников. В училище нам внушали, что это неправильное искусство, и было даже организовано назидательное обсуждение этой выставки в училище. Но интерес у всех был громадный. Например, из Самарканда специально на выставку приехала большая группа художников, и я помню, как Тимуров, который всегда переживал за меня, подошел ко мне и шепотом, да еще на таджикском языке, чтобы не слышали и не поняли другие, произнес: «Дамир, не

слушайте их, это прекрасный и большой художник». Но я-то знал об этом еще раньше. А вот Нигмат Кузыбаев, преподававший в училище, тоже относился ко мне хорошо и, желая добра, говорил: «Зря ты только связался с Волковым, это ни к чему хорошему не приведет».

В те годы круг общения у Александра Николаевича был очень узкий, но это были близкие и верные друзья. Однажды, это было осенним вечером у Волковых дома, был день рождения то ли Александра Николаевича, то ли Саши. Кроме меня был большой друг Александра Николаевича, легендарная личность, гипнотизер, футурист Гольцшмидт¹⁰. Его приключения описаны и у Эренбурга в романе «Люди, годы, жизнь», и у других авторов. За столом мы сидели вчетвером, Елена Семеновна была на кухне. Александр Николаевич был в хорошем настроении, пил разбавленное вино и просил Гольцшмидта: «Расскажи-ка про это, а потом про то». Это был удивительный для нас с Сашей вечер. Мы слушали из первых уст про жизнь десятых, двадцатых годов в московской поэтической среде. Такое не забудешь.

Кстати, о вине. Александр Николаевич говорил мне: «Не пей, а если выпьешь хоть немного – не работай». Я этому завету следую всю жизнь.

Наши творческие контакты были очень редкими, но он следил за нашим развитием. После семестров мы обязательно приносили свои работы ему на просмотр, он знакомился с ними молча, иногда отмечал какой-нибудь рисунок как удачный. Я берегу как зеницу ока рисунок, который он отметил. Конечно, он не преподавал ремесло, как это обычно понимают, тем более что мы занимались в основном скульптурой. Но он дал мне гораздо больше.

Ремеслу рисования прекрасно учил нас Мартаков, но вот скульптура была для меня большой проблемой. К концу училища надо было

¹⁰ / Владимир Робертович Гольцшмидт (Гольдшмидт, 1886 ? – 1954) – отличавшийся авантюризм, наклонностями проповедник культуры, поэт-дилетант, примкнувший к движению русских футуристов.

решать, как быть дальше. Александр Николаевич в свое время говорил, видимо, глядя на мои работы: «Тебе надо поехать в Маргилан». И в 1959 году я поехал в Маргилан в первый раз. В Маргилане была другая жизнь, другая атмосфера, быт, другая эпоха. Это было то, что нужно художнику и что утрачено в Ташкенте. И конечно, А.Н. Волков прекрасно это понимал.

Итак, после окончания училища надо было решать, учиться дальше в Ленинграде в Академии художеств или нет. Современному читателю трудно понять, почему, но в то время я прекрасно сознавал, что приоритеты там будут идеологические, кроме того, мне хотелось найти свой, азиатский путь в искусстве, и европейский опыт нельзя было, как я считал, перенимать буквально, не критически. Даже то, чему меня научили в училище, я считал, надо забыть и потому решил про себя год вообще не работать, но выдержать этот срок не смог. Я помню, что советовался по этому поводу с поэтом Е.А. Чернявским. Я говорил ему: «А может быть, поехать научиться, а потом забыть все это?», на что он отвечал: «А руки-то привыкнут». И это окончательно убедило меня не ехать в Ленинград. Моим выбором стал Маргилан, тем более что там жил мой отец.

Я отказался от Ленинградской Академии художеств, но это не значит, что отверг для себя Ленинград. Наоборот, я всегда любил приезжать в Питер и гулять по его улицам, насыщенный скульптурами. О музеях и говорить нечего, особенно, конечно, об Эрмитаже, где собраны мировые шедевры всех эпох. В советское время особенно важно было приехать сюда, когда зарубежные музеи были для большинства закрыты. Но и самое главное, конечно, ленинградцы – люди со своей особой культурой, взявшейся непонятно откуда. Казалось, она в самом воздухе города. Однажды на

Дворцовой площади я познакомился с двумя милыми старушками. Узнав, что я из Ташкента и родился в Самарканде, они просветлели и стали вспоминать Самарканд, где были в эвакуации в военные годы. «Мы с нетерпением ждали весны, – говорили они. – Сначала появлялся тутовник, потом черешня, урюк... Благодаря этому мы выжили, мы помним Самарканд и его людей».

Не могу не сказать об удивительном человеке, коллекционере Борисе Борисовиче Безобразове, с которым я подружился. Его экскурсии по улицам и каналам города были незабываемы, он мог рассказать и про каждый дом, и про его исторических жителей. Естественно, он знакомил не только со своей коллекцией, но и водил по другим, а его байки были нескончаемы. Одну приведу. У Бориса Борисовича, или Б.Б., как мы его называли, был друг старше его, не помню, как звали. Но назовем его Иван Петрович, или И.П. Так вот, И.П. пережил еще Первую мировую войну, и когда началась война 1941 года, в первые же дни закупил водки, пока она еще была. Естественно, Б.Б. приходил к И.П. выпить, а первый раз это было так. Встретились они у И.П., а жил он недалеко от Дворцовой. Накрыли столик, разлили по рюмкам и только собрались чокнуться, как услышали характерный свист в воздухе. Стало ясно, что это бомба, причем одна из первых. И.П., понимая это, произнес: «Выпьем, пока не поздно». Эта фраза стала дежурным тостом впоследствии.

Почти каждый раз захаживал к бывшему ташкентскому и оленинградившемуся известному актеру БДТ Волику Рецперу¹¹. Конечно, он водил меня в свой театр и даже просил оставить автограф на знаменитой стене автографов. Он же познакомил меня с Аркадием Райкиным, но это было уже в Ташкенте в 1983 году. Это была последняя гастроль А.И. Райкина

11 / Владимир Эммануилович Рецпер (род. 1935) – актер, режиссер, писатель, пушкинист. Окончил филологический факультет Среднеазиатского университета в Ташкенте (1957) и актерский факультет Ташкентского театрально-художественного института (1960).

в Ташкенте. Он был уже стар, еле двигался, его вела девушка под руку, поглаживая ее, и посадила на стул за кулисами у занавеса. На соседний стул посадили меня. Занавес открылся, и произошло чудо. Он, как молодой, вышел на сцену и, как всегда, был на высоте. Но я был счастлив оттого, что видел не только то, что видно из зала. Я мог наблюдать, как он, например, уходя за кулисы, менял маску. То есть из своего героя – круглого идиота – превращался снова в Аркадия Райкина с огромными мохнатыми, детскими глазами. Это, конечно, произвело на меня очень большое впечатление, и в антракте я сказал Рецепттеру, что у меня есть скульптура музы Комедии, которую я хочу подарить Райкину. «Подари, пожалуйста, на сцене, – попросил Волик, – его в этот раз в Ташкенте не очень хорошо приняли. Ему будет приятно». Мы быстро привезли скульптуру, и в конце спектакля я преподнес ее с восторженными словами.

Но самое интересное для меня было назавтра. Моя дочь Шоира должна была поступать в школу. А тут прошел слух, что в 78-й школе появилась классная учительница английского языка. Я, как отец, зашел к завучу с просьбой принять дочь, на что получил ответ, что мест уже нет и принять ее не могут. Я, расстроенный, стал уходить из кабинета, как вдруг услышал голос другой учительницы: «Давайте возьмем девочку, ее папа вчера подарил Райкину свою скульптуру». И моя дочь поступила и выучила английский блестяще. Спасибо Райкину.

Неизгладимые впечатления у меня от двух встреч с Борисом Борисовичем Пиотровским¹². Я должен был передать ему альбом Чингиза Ахмарова¹³ и решил принести также несколько фотографий своих работ (собственного альбома у меня никогда не было). Мы довольно долго беседовали, мне даже стало неудобно, что я отнимаю столько времени

у занятого человека, а он к тому же повел меня сам в Золотую кладовую и устроил экскурсию. Второй раз я с ним встретился, уже будучи директором Государственного музея искусств в Ташкенте. Из разговоров я понял, что он осведомлен о положении дел в нашем музее. Уже в Ташкенте меня вдруг вызвали к тогдашнему руководителю республики Рафику Нишановичу Нишанову. Оказывается, ему позвонил Б.Б. Пиотровский с просьбой принять меня и помочь решить проблемы музея. Разговор с Нишановым длился более двух часов, присутствовал при разговоре работавший тогда в ЦК партии Зафар Хакимов¹⁴. Назавтра в музей прибыло все бюро ЦК. Я проводил экскурсию по всему музею и снова перечислил проблемы, главная из которых – абсолютное несоответствие музейного здания необходимым требованиям, и просил передать пустующее в то время здание химфака музею для особенно ценных живописных и графических произведений. Р.Н. Нишанов от лица бюро при всех сотрудниках музея сказал: «Здание химфака ваше». Все радовались и поздравляли друг друга. Но случилось непредвиденное. В это же время Нишанова перевели в Москву, и он

А. Райкин и Д. Рузыбаев
1983

12 / Борис Борисович Пиотровский (1908–1990) – археолог, востоковед, доктор исторических наук, профессор. В 1964–1990 – директор Государственного Эрмитажа.
13 / Чингиз Габдурахманович Ахмаров (1912–1995) – советский узбекский художник-монументалист.
14 / Зафар Абдуллаевич Хакимов (род. 1942) – историк искусства, ныне главный редактор журнала «Moziydan Sado».

Улица в Маргилане. 1960
Картон, масло
Собственность автора. Ташкент

15 / Валерий Александрович Волков (1928–2020) – живописец, художественный критик, теоретик искусства, преподаватель, популяризатор творчества своего отца, А.Н. Волкова.

так спешно уехал, что не успел оформить свое обещание документально, так что музей до сих пор в том же состоянии.

Говоря о ленинградцах, надо сказать и о Д.С. Лихачеве. Я имел счастье слушать его блестящую речь на хорошем русском языке, но запомнилось мне не только это, но и то, как он это говорил. Это было в Москве на одном из заседаний правления Советского фонда культуры. Перед ним выходили другие ораторы, садились вальяжно в кресло и так общались с залом. Дмитрий Сергеевич вышел на середину зала и стоя начал свою речь. Меня поразило то, что он, несмотря на свой преклонный возраст, более двух часов говорил стоя из уважения к залу. Мне кажется, это тоже проявление питерской культуры.

Итак, в 1959 году я колесил между Ташкентом и Маргиланом, а Саша Волков, с которым мы были неразлучны, уехал в Москву, и я остался без друга.

В одиночестве оказался и брат Саши, Валерий¹⁵, или Волик, как мы его называли, и это сблизило нас. Волик был старше меня на 11 лет – талантливый живописец, получивший хорошие знания в университете, выросший в атмосфере бурной художественной жизни 1930–1940-х годов, он оказался мне не только другом, но и наставником. Так, видимо, Богу было угодно.

Вскоре в один из приездов в Ташкент я обнаружил, что Волик женился. Избранницей его оказалась репатриантка, приехавшая из Франции, Светлана Завадовская, дочь известного востоковеда Юрия Николаевича Завадовского, но это не только не разлучило нас, как часто бывает, но еще большее сблизило.

Знание языков, особенно французского, сделало Светлану для нас проводником в современное европейское искусство. Она могла, например, роман Симоны де Бовуар читать

сходу на русском. У нее всегда были свежие французские газеты и журналы по искусству. В эпоху отсутствия информации это очень важно, и наши встречи всегда были наполнены содержанием. Волик со Светланой не однажды побывали во многих европейских странах, хотя в то время осуществить поездки было непросто. Зарубежные родственные связи Светланы способствовали этому. Говорю об этом не случайно, так как знакомство с мировыми достижениями в искусстве чрезвычайно важно, но многие наши художники были его лишены.

Вспоминаю показательный случай. В 1964 году я поехал от института в Алма-Ату на проходящую там выставку американской графики. Кстати, я оказался единственным, кто приехал из приглашенных со всего Союза. Там я познакомился с директором этой выставки Фрицем Айхенбергом, крупным художником, редактором журнала по графике и к тому же известным специалистом. Обратившись в Ташкент мы летели вместе, он мечтал посетить Самарканд и Бухару, куда его, кажется, и не пустили. Но он был у меня, вернее, у Волкова, в мастерской, где я тогда работал, и, как рассказывала Светлана, ему понравились работы, особенно «Черный рельеф», который он даже погладил, сказав, что может устроить Дамира в Лондоне учиться у Генри Мура, хотя это сложно, но «Мур – мой большой друг». Он присылал мне из Америки свои журналы и солидный альбом о Генри Муре. Я потом должен был отвечать человеку из органов, что хорошего в этой непонятной скульптуре, ну а о поездке к Муре в то время не могло быть и речи. Влияние Генри Мура я, конечно, испытал. Оно мне даже мешало какое-то время. Но я вовремя открыл для себя, что Мур – это не последняя инстанция в истинной пластике, и освободился из муровского плена, хотя почитаю его как гениального скульптора.

Вскоре возникла в нашем кругу фигура Жени Кравченко¹⁶. Случилось так, что в один из приездов в Ташкент из Маргилана я встретился с Женей, который тоже занимался в училище. Стали расспрашивать друг друга о делах, о жизни. Женя был в подавленном состоянии после неудачной попытки поступить в Мухинское училище в Ленинграде, да и устроен он был в Ташкенте хуже некуда, на что я сказал: «Радуйся, что не поступил в Мухинку. Едем в Маргилан, будем заниматься только искусством».

Женю Маргилан очаровал, он пленил его своим колоритом и глиняной фактурой дувалов¹⁷, принимающих неожиданные формы, ну и конечно же людьми, живущими в более гармоничном мире. К нам стали приезжать позже и Волик, и Саша в дни своих каникул, и наши

16 / Евгений Николаевич Кравченко (1937–2010) – живописец. Родился в Ашхабаде в семье геологов, посвятил свое творчество Востоку.

17 / Дувал – глинобитная ограда, иногда служащая также внешней стеной дома или внутреннего дворика в Средней Азии.

Черный рельеф. 1963
Камень, резьба
Собственность автора
Ташкент

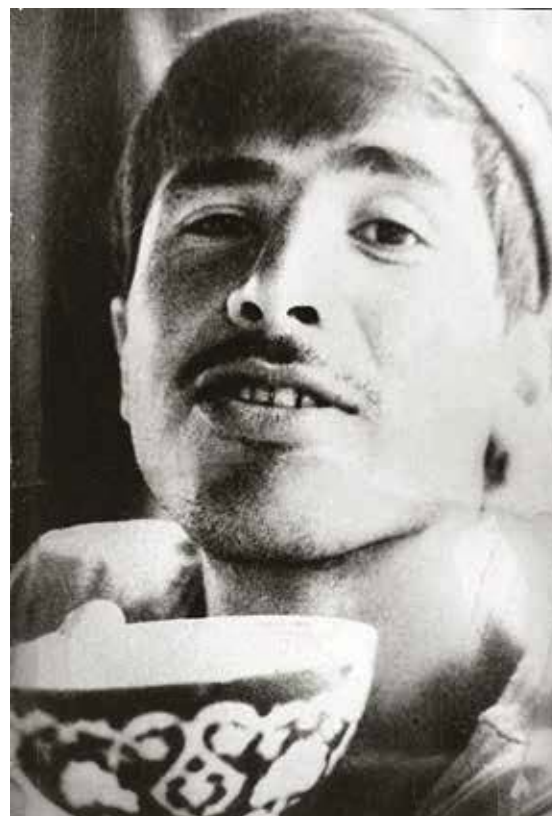

Дамир Рузубаев
1963

путешествия были еще интереснее, став естественным продолжением атмосферы бригады А.Н. Волкова 1930-х годов. Где-то к третьему месяцу участились письма от жены Кравченко Май с вопросом: «Когда ты приедешь, Женя?» Женя ответил, что приехать должна она, а он остается в Маргилане. И боевая подруга Жени приехала и была до конца верной поддержкой, сопровождавшей его во всех переездах.

В один из приездов в Ташкент я неожиданно женился и с тех пор пребывал больше, естественно, в Ташкенте, хотя и в Маргилан приезжал, но уже гораздо реже. В том же 1962 году меня приняли в Институт искусствознания – младшим научным сотрудником, точнее, реставратором глиняной скульптуры, так что я участвовал в археологических экспедициях в Халчаян¹⁸ под руководством Г.А. Пугаченковой¹⁹. Женя, естественно, оказывался со мной на раскопках, и для нас это была пора знакомства с Сурхандарьей. Особенно интересными и важными были так называемые разведывательные поездки на грузовике по труднопроходимым дорогам в сказочных местах, таких, например, как дальний кишлак Сина высоко в горах.

Но, как известно, в 1966 году в Ташкенте случилось землетрясение, и многие стали уезжать. В их числе были Волик со Светланой, уехавшие в Москву, да и Женя с Маей отправились в Россию. Я, естественно, не мог представить себе жизни без родной земли, но наши с друзьями встречи и путешествия не прекращались. Саша к тому времени женился и осел в Москве. Ему повезло с выбором жены так же, как и Волику. Его боевой подругой оказалась Маша Бубнова, неординарный человек с известными предками. Она вот уже более 60 лет остается надеждой и опорой Саши. Маша даже вдохновила меня на создание медали «жена-героиня», которую

я вручил ей в торжественной обстановке на открытии выставки Саши в 2017 году.

В Маргилане было много чайхан, у каждой свои публика и название. Музыканты собирались в чайхане «Урта таги» на центральной площади. Тут надо упомянуть, что это была эпоха, когда по радио звучали в основном песни о партии и Ленине и, к счастью, классическая музыка. А настоящих узбекских певцов и музыкантов чаще можно было встретить в провинции. Отец привел меня в чайхану музыкантов и обратился к Вахобу Мирзаеву с просьбой ознакомить сына-скульптора с музыкальной жизнью. Тот сказал мне: «Дамиржон, я покажу тебе все хорошее, что есть у нас, и все плохое». Потом мне объяснили, что Вахоб-акя – брат выдающегося и знаменитого певца Боборахима Мирзаева и он как бы главный у музыкантов. Сам он пел, играл на скрипке и был *кизикчи* – острословом, а главное – вел концерты в качестве конферансье. Музыканты там собирались часам к четырем или пяти, чуть позже появлялись клиенты из кишлаков, где предстояла свадьба. Обращались они к Вахобу-акя, а он составлял

18 / Халчаян – древний город (середина I тыс. до н.э. – конец III в. н.э.) на территории современного Узбекистана. При раскопках Халчаяна было сделано много уникальных археологических находок, в том числе раскрашенной терракотовой скульптуры.

19 / Галина Анатольевна Пугаченкова (1915–2007) – археолог и искусствовед, академик Академии наук Узбекистана.

команду. Они садились на грузовик и ехали, и я садился к ним в чапане и с альбомчиком. Я помню, был в машине и *бача* – мальчик-танцор, вернее, юноша, покрашенный и в женском платье. Выступал он обычно в конце по многочисленным просьбам публики и всегда с успехом. Мне нравилось приходить в чайхану музыкантов. Там можно было увидеть интересных людей. Как-то мы разговорились с Охун-кизиком, партнером и сподвижником великого Юсуп-кизика.

Напротив чайханы располагался Дворец культуры, а перед ним была установлена скульптура Нурхон, убитой за снятие паранджи. Охун-кизик говорил мне: «Ты должен вылепить Юсуп-кизика, а мы установим его вместо Нурхон». Такие разговоры можно было вести в 1959 году только в этой чайхане, да и то лишь в узком кругу. С Юсуп-кизиком я не был знаком, но знал, что каждый уважающий себя артист и музыкант почитал его и считал своим учителем. Но я видел его просто идущим по улице. Его походка, движения рук, посадка головы были весьма артистичны и выразительны. С тех пор я мечтаю создать

его образ в цветной скульптуре. Выступал он в чапане с большими цветными заплатками, и это как раз для меня. Думаю, что я созрел для такой скульптуры.

Судьба подарила мне настоящих друзей, таких как Саша Волков, Валерий Волков и Женя Кравченко. Вспоминаю годы учебы в училище. Они проходили в радостной атмосфере. Саша обладает талантом не только художника, но и тонкого юмориста-хохмача. Он мог хохмить на протяжении всех занятий, радуя нас своим остроумием. Он и сейчас желанный гость в любом обществе. Через годы я с радостью открыл в нем и писательский талант, признанный многими. Но самый большой его дар – умение дружить.

После смерти Александра Николаевича Волкова Елена Семеновна, вероятно, чувствуя, что ей осталось недолго, просила меня: «Дамир, не бросайте Сашу». По жизни Саша оказался более стойким и, наоборот, сам поддерживал меня в тяжелых ситуациях. Я рад также его упорству и достижениям в творчестве. Всю жизнь мы обмениваемся мнениями, и расстояние, особенно при

Чайхана. 1959
Бумага, тушь
Государственный музей
искусств им. И.В. Савицкого
Нукус